

Алёна Задонская

Сердце

«Автор»
2026

Задонская А.

Сердце / А. Задонская — «Автор», 2026

Что такое человеческое сердце? Для кардиохирурга Андрея Воронцова — это просто сложный насос, подчиняющийся законам биомеханики. Его собственный брак давно перешел в состояние клинической смерти, а жизнь измеряется графиками ЭКГ и успешными операциями. Но когда в его отделение поступает Лиза Громова — молодая художница, чье сердце превращается в дряблый мешок, а в груди жужжит механический протез, — законы физики перестают работать. Между врачом и пациенткой вспыхивает связь, нарушающая все протоколы медицинской этики. Это не просто страсть. Это резонанс двух одиноких людей, пытающихся выжить в стерильном аду реанимации. Андрей готов сломать систему, рискнуть карьерой и свободой, чтобы пересадить Лизе донорское сердце. Но сможет ли он сам пережить эту операцию, не потеряв себя?

© Задонская А., 2026
© Автор, 2026

Алёна Задонская
Сердце

СЕРДЦЕ

роман

Пролог. Электрическая ось

За год до того, как её сердце начало превращаться в дряблый, бесполезный мешок, Лиза Громова была влюблена в прямые углы. Её муж, Марк, был архитектором-неофутуристом, и их квартира на двадцатом этаже напоминала безупречный чертёж, залитый холодным светом. Стекло, бетон, стерильная пустота. Лиза, художница, рисующая светом, чувствовала себя там экспонатом. Но это была их общая, красивая игра.

Марк не был сухарём. Он был визионером. Он мог часами рассказывать ей, как свет преломляется в гранях стеклянного фасада, и Лиза смотрела на него с обожанием, видя в нём создателя миров. Они были идеальной парой из архитектурного журнала: он — структура, она — душа.

Диагноз — идиопатическая дилатационная кардиомиопатия — прозвучал как приговор чертежу. Здание дало трещину по фундаменту.

Марк любил её отчаянно, но его любовь была любовью инженера к сложному механизму. Когда механизм начал сбоить, он искал ошибку в расчётах. Когда расчёты показали фатальный сбой, его психика закрылась на переучёт. Он привык строить на века, а его фундамент крошился на глазах, издавая влажный, хлюпающий звук.

Интерлюдия. Стекло и провода

Лиза лежала дома, ещё до больницы, но уже с аппаратом на груди. Марк старался вести себя как обычно: раскладывал на столе распечатки фасадов, чертил карандашом, будто от толщины линии зависело, удержится ли конструкция. Лиза смотрела на эти линии и вдруг поняла: они не держат. Они просто очерчивают пустоту.

Она встала, подошла к окну, где стекло дрожало от ветра. Приложила ладонь к стеклу, будто хотела почувствовать вибрацию здания. И в этот момент аппарат на груди начал пищать: аритмия. Марк подскочил, схватил телефон, искал номер кардиолога, который им дали на всякий случай. Его движения были резкими, механическими.

— Всё нормально, — тихо сказала Лиза, хотя ей было страшно. — Это просто ветер.

— Это не ветер, — ответил он, не глядя на неё. — Это ошибка в расчётах.

— А если это не ошибка? Если это и есть звук моей жизни?

Он замер и впервые за неделю посмотрел ей в глаза. И там не было ответа. Только вопрос.

Часть первая. Асистолия

Октябрь в НИИ имени Бакулева пахнет озоном, холодным кафелем, усталостью, спиртом и чуть-чуть — старой едой из столовой, которую никто не доел. Андрей Воронцов знает этот запах наизусть. Для него это запах ответственности.

Андрею тридцать восемь. Его лицо состоит из резких теней, а под глазами залегли синяки. Он женат на Алисе, но их брак умер от клинической депрессии. Для Андрея человеческое сердце — это просто насос. Жалость мешает шитью.

В его мир врывается Лиза Громова. Ей двадцать восемь, и она похожа на сбитую птицу. У неё копна рыжих волос и идиопатическая дилатационная кардиомиопатия.

После приступа фибрилляции, когда Андрей ломает ей ребро, делая непрямой массаж сердца, их взгляды встречаются на долю секунды. В её глазах нет страха смерти. В них — чёрная, тяжёлая тоска человека, которого предали не уходом, а беспомощностью.

На обходе он задерживается дольше положенного.

— Как жужжит? — спрашивает он, поправляя датчик сатурации.

— Как блендер, в котором пытаются перемолоть гранит, — слабо улыбается она. — Муж говорит, что это мешает ему спать. Он архитектор, для него любой неритмичный звук — это строительный дефект.

— Передайте мужу, что если он не научится спать под шум мотора, он рискует однажды проснуться вдовцом, — жёстко говорит Андрей. — Сейчас ваш единственный брак — с этим аппаратом. И я — его свидетель.

Лиза впервые за месяц чувствует, как по щеке течёт горячая слеза. Не от боли. От того, что её не испугались.

В ординаторской он листает историю болезни Лизы. Не потому что не помнит, а потому что ищет зацепку: может, там есть что-то, что он упустил. И вдруг замечает пометку от терапевта: «Пациентка рисует схемы на полях». Он улыбается, но улыбка выходит горькой.

Когда он заходит к Лизе, она лежит с закрытыми глазами, но пальцы её шевелятся, будто рисуют невидимые линии. Он останавливается у двери, смотрит на неё, и впервые чувствует, что перед ним не просто «насос», а человек, который пытается удержать мир, чертя линии на пустом листе.

— Вы опять считаете пульс по стенам? — говорит он, чтобы нарушить тишину.

— Нет, — шепчет она, не открывая глаз. — Я строю лестницу. Чтобы не упасть вниз.

Андрей делает шаг вперёд, останавливается у изголовья, поправляет датчик сатурации. Его движения отработаны до автоматизма. Но внутри всё не так гладко.

Внутренний монолог Андрея

«Она строит лестницу. Из воздуха. Из линий, которых никто не видит. Это не рационально. Это даже не симптоматика, это просто… попытка не рассыпаться. И самое страшное — я хочу ей помочь её достроить. Не капельницей, не таблеткой, а просто сказать: "Держи, вот ещё ступенька". Но я не могу. Я должен быть протоколом. Я должен быть алгоритмом. Если я стану человеком, который подаёт руку, я не смогу потом отпустить. А отпускать придётся. Всегда. Потому что не всех можно спасти. И если я начну спасать глазами, а не стетоскопом, я сломаюсь. Но… чёрт возьми, она не выглядит как статистика. Она выглядит как кто-то, кто слишком долго стоял на краю и теперь чертит себе путь обратно. Пусть даже карандашом по воздуху».

Он откашливается, пряча неловкость за профессиональной интонацией.

— Ладно, лестницу пока отложим. Давайте проверим, сколько ступеней вы реально можете пройти. Сатурация у вас на грани.

— Я не хочу проверять ступени, — слабо улыбается Лиза, приоткрывая глаза. — Я хочу проверить, можно ли построить лестницу прямо здесь, в этой палате. Чтобы она вела не наружу, а куда-нибудь… где тихо, но не мертво.

— Тихо, но не мертво, — повторяет Андрей, будто пробуя фразу на вкус. — Это как синусовый ритм без аритмии. Стабильно, но с жизнью внутри.

— Вот именно, — кивает Лиза. — А сейчас у меня там сплошной шум. Белый, липкий.

— Мы его приглушим, — говорит Андрей, сам удивляясь, что говорит «мы», а не «я назначу терапию». — Постепенно. Сначала снизим амплитуду. Потом найдём основной тон.

Лиза смотрит на него чуть внимательнее, чем положено пациентке.

— Вы говорите как дирижёр, а не как кардиолог.

— Иногда приходится быть и тем, и другим, — пожимает плечами Андрей, делая пометку в карте. — Главное, чтобы оркестр не разошёлся по разным темпам.

Часть вторая. Скрытый канал

Сначала Лиза замечала в Андрее только руки. Не лицо, не голос, не его резкую, почти колючую манеру говорить. Только руки — спокойные, точные, без суеты. Когда он менял флакон с физраствором, когда поправлял датчик, когда на секунду задерживал пальцы на её запястье, будто не для измерения пульса, а чтобы убедиться, что он есть.

В её мире всё стало слишком громким и одновременно слишком пустым: писк мониторов, скрип тележки, голоса медсестёр, которые звучат как сквозь вату. А его руки были тишиной.

— Вы всегда так сосредоточенно всё делаете? — спросила она как-то, когда он уже собирался выйти.

— Иначе нельзя, — коротко ответил он, не оборачиваясь. — В моей работе ошибка — это не помарка карандашом.

— А если карандаш — это я? — вдруг сказала она, сама удивившись собственной дерзости. — Я ведь тоже всё время рисую. Линии, схемы. Пытаюсь удержать равновесие.

Он наконец повернулся. В его взгляде не было жалости — только внимание. Настоящее, тяжёлое, как будто он действительно её слушал, а не ждал, когда она закончит, чтобы поставить галочку в карте.

— Тогда я буду смотреть, чтобы ваш карандаш не сломался, — сказал он и вышел.

Лиза долго смотрела на дверь, за которой он исчез. И впервые за долгое время ей не хотелось зажмуриться и сделать вид, что ничего не происходит. Ей хотелось, чтобы он вернулся. Просто чтобы снова услышать этот сухой, профессиональный тон, который почему-то звучал как «ты не одна».

Лизу переводят в палату. Марк приходит каждый день. Он приносит чертежи новых зданий и раскладывает их на коленях, рассказывая ей о нагрузках на перекрытия, пока она лежит под капельницей. Он пытается построить для неё мост обратно в нормальную жизнь.

Но Лиза смотрит не на чертежи. Она смотрит на руки Андрея, которые меняют ей флакон с физраствором.

Андрей заходит к ней дважды в день. По протоколу — не должен. Но протоколы не учитывают гравитацию.

Их общение начинается с физики. Лиза, чтобы не сойти с ума, рисует в блокноте схемы.

— Закон Ома, — говорит она однажды. — Сила тока прямо пропорциональна напряжению. Моё напряжение — это страх, что батарейки сядут. Вы — моё сопротивление, доктор. Вы гасите ток паники.

— Я просто подбираю дозировку, — отвечает Андрей, но схему из её блокнота незаметно фотографирует на телефон.

Позже, когда в палате становится тише, а коридор пустеет, Андрей задерживается на минуту дольше.

— Знаете, что самое сложное в кардиологии? — спрашивает он, присаживаясь на край стула, будто просто зашёл поболтать, а не делать обход.

— Что?

— Убедить сердце, что оно может ошибаться, но всё равно имеет право биться. Оно ведь как упрямый ребёнок: если ритм сбился, оно цепляется за ошибку, будто это единственная правда, которую оно знает.

— Значит, вы не просто чините насос, — усмехается Лиза. — Вы уговариваете его поверить в себя.

— Именно. Только без сантиментов. Сантименты — это аритмогенный фактор.

— Тогда давайте договоримся: никаких сантиментов. Только физика, схемы и немного упрямого оптимизма.

— Договорились, — кивает Андрей. — Но если вы начнёте чертить схемы побега — я должен знать первым.

— Обещаю. Сначала покажу вам.

Они улыбаются. Это ещё не близость. Это пока просто безопасная территория, где можно дышать без страха, что тебя неправильно поймут.

Внутренний монолог Андрея

«Мы договорились без сантиментов. И это самое честное, что я мог ей предложить. Потому что сантименты — это когда ты обещаешь: “Всё будет хорошо”, хотя не знаешь, будет ли. А физика — это когда ты говоришь: “Сейчас у нас вот такой ритм, вот такая нагрузка, вот такой план”. Это честно. И она это ценит. Она не просит меня быть спасителем. Она просит быть переводчиком между её телом и её разумом. И я могу это. Пока могу. Пока мой собственный пульс не начинает реагировать на её улыбку. Пока это просто профессиональная эмпатия, а не… что-то большее. Надо держать дистанцию. Но не ту, которая ранит. А ту, которая позволяет ей чувствовать, что она не одна. Даже если формально она одна в этой палате».

Сначала это просто сообщения в мессенджере.

Лиза (14:12): Зубец Т сегодня отрицательный. Хочется выдернуть капельницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.